

ЕДИН В ДВУХ ЛИЦАХ

Генри Лайон Олди: «Скажу главное: наш основной герой — это Человек Упрямый»

Независимая газета, 1999, 29 окт., с. 13

ПЕРВЫЙ вопрос традицион-но биографический.

Олег Ладыженский: С биографией у нас интересная история: во-первых, мы родились в один год, шестьдесят третий — это год Кота (кстати, сейчас тоже год Кота). Во-вторых, мы родились в одном и том же месяце марта и под одним и тем же знаком Овна. Я родился 23 марта, а Дима — 30-го.

И, в-третьих, мы умудрялись регулярно встречаться с детства, при этом не будучи близко знакомыми.

— И это все в Харькове?

Дмитрий Громов: Нет, я родился в Симферополе, потом жил в Севастополе, а в Харькове с семьей переехал в 1975 году. И с тех пор больше нигде не собираюсь.

Олег Ладыженский: Первый раз мы встретились в литературной студии Дворца пионеров. Потом переехали в школу каратэ. Мы занимались традиционным окинавским каратэ — Годзю-рю. В Харькове, между прочим, очень сильная школа, с давними традициями. Я был тогда стажером-инструктором, а Дима только пришел заниматься. Ну а потом Дмитрий Громов принес в мой театр-студию (я режиссер по образованию) свою пьесу.

Дмитрий Громов: Да. Пьеса была фантастическая. Называлась «Двое с Земли». Теперь я понимаю, что это был стандартный космический боевик: двоих землян — советского ученого и американского гангстера — похищают инопланетяне, которыми, как оказывается, управляет третья сила. Земляне помогают инопланетянам освободиться от контроля и все такое. Я тогда хотел поставить это именно в театре, а не в кино. И вот эту пьесу мой будущий соавтор благополучно зарубил, что оказалось правильным. Но я остался в студии уже в качестве актера; играл, в частности, Вагу Колесо в спектакле «Трудно быть богом».

Олег Ладыженский: Так дело и пошло — я ставлю спектакль о Франсуа Вийоне, а Дима играет одного из поэтов при дворе Карла Орлеанского; ставлю «Обыкновенное чудо» — Дмитрий играет Первого министра... Полтора десятка спектаклей в общей сложности. А я параллельно писал стихи, драматургические произведения; Дима — фантастические рассказы, мы начали обмениваться текстами и комментариями, ожесточенно спорить, потом выяснили, что из споров рождаются если не истина, то хотя бы новые тексты. Следом возникла идея о соавторстве.

День рождения собственно Олди — 13 ноября 1990 года (кажется, пятница). Мы написали первый совместный рассказ «Кино до гроба и...». Про вампиров — они захватывают в Голливуде киностудию и снимают там кино. И им это очень нравится.

— А вы заметили, что в отличие от любовного романа или детектива, авторы которого не очень любят раскрывать свои псевдонимы, в фантастике одновременная известность автора настоящего и придуманного считается делом нормальным? Псевдоним раскрывается спокойно.

Олег Ладыженский: У нас личные соображения. Наши имена-фамилии, напечатанные рядом на обложке, выглядят крайне тяжело-весно. Стивен Кинг — хорошо и коротко. Стругацки — братья; Марина и Сергей Дяченко — муж и жена. Броско, удобно. А нас вместе запомнить тяжело. К тому же в наше время был и фактор внешнего давления — русскоязычных не печатали, поэтому, когда начала готовиться первая достаточно серьезная публикация, на нас «нажали». И мы взяли псевдоним Олди: анаграмму из «Олег» и «Дима». Потом издатель потребовал инициалов, и мы поставили Г. и Л. — первые буквы фамилий. Тогда издатель совсем озверел и сказал, что ему нужно в выходных данных указывать полное имя и отчество. Мы взяли опорные буквы своих фамилий и получили Генри Лайон Олди. Более того, в копирайте были черным по белому написаны наши фамилии с именами. Никаких вопросов по поводу того, что мы прятались за псевдонимом, возникнуть не могло. Мы заявили об этом с самого начала.

Дмитрий Громов: Кстати, когда возник интерес к отечественным авторам и их начали предпочитать зарубежным, то несколько наших рассказов издатель по принципиальным соображениям напечатал именно как тексты Громова и Ладыженского, а не Олди. Зато потом издатель был категорически против любых изменений — только «Олди».

Олег Ладыженский: Да. Это склоняется — «кого? — Олдей», «кому? — Олдам». И даже иногда путалось множественное и единственное число; мы слышали за спиной: «Во, Олдь пошел...». Привыкли.

— Вопрос о моменте выбора стиля не такой дурацкий, как можно подумать из-за его частой повторяемости. Потому что мы все прошли через увлечение звездолетно-космической жизнью. Это все было, это как корь — главное вовремя переболеть. Вот как выбирались манера письма и персонажи? Ведь есть люди, которые пишут только фантастику, а есть люди, умудряющиеся писать романы о космических путешествиях, которые при этом еще можно читать. У вас этот выбор был интуитивным?

Дмитрий Громов родился в Симферополе. По образованию химик-неорганик, написал монографию о группе «Deep Purple», имеет II кю (коричневый пояс) по каратэ (школа Годзю-рю); актер театра-студии «Пеликан». Фантастические произведения регулярно пишет с 1976 г. С 1990 г. — в соавторстве с Олегом Ладыженским.

Олег Ладыженский с 1984 г. работает режиссером театра-студии «Пеликан», поставил более 10 спектаклей. Лауреат II Всесоюзного фестиваля театральных коллективов 1987 г. Член МАНОКК (Международная ассоциация национальных объединений контактного каратэ-до), имеет черный пояс, II дан, судья международной категории. С 1992 г. — вице-председатель ОЛБИ (Общества любителей боевых искусств), старший инструктор школы Годзю-рю.

С 1991 по 1993 г. они занимались также литературными переводами фантастики. Они являются членами номинационной комиссии литературных премий в области фантастики — «Интерпресском» и «Бронзовая Улитка», а также членами жюри литературной премии «Старт». В 1991 году Д. Громов и О. Ладыженский организовали творческую мастерскую «Второй блин». Пишут фантастическую литературу под общим псевдонимом Генри Лайон Олди.

Дмитрий Громов: Я переболел звездолетно-космической тематикой до того, как мы начали писать вместе; естественно, все мы читали слишком много такой литературы. И, как ни банально это звучит, в школьные годы я написал положенное количество таких вещей. В институте увлечение продолжалось. Но уровень текстов был, конечно, довольно слабым. Потихоньку я изжил эту тематику, но заниматься мы не будем. Может, и напишем что-нибудь в этом духе.

Олег Ладыженский: А мне повезло. Я этим не болел. Может, потому что сначала не писал рассказов — только миниатюры, стихи и

нино. Да и американскому, поскольку все они там — выходцы из Европы. Эльфы, драконы и маги — джентльменский набор. Греки или индусы с арабами слишком уж своеобразны; представить себя на месте Геракла или Кришны, пожалуй, сложнее, чем поставить себя на место сэра Ланцелота.

Олег Ладыженский: Толкиен буквально сформировал множество авторов, но при этом придал им своей массой, и они не могут из-под него вылезти до сих пор.

— Ну я не знаю... Я придумал свой ответ на этот вопрос, разумеется, неполный. Дело в том, что греческая культура преподавалась в

Например, «Звездный мост» почти наложился на Франкфуртскую книжную ярмарку. Поэтому часть представителей крупных издательств вынуждены были выбрать деловую встречу. Это однозначный просчет. Дальше — пиратский «Странник»; получилось, что красноярским писателям нужно было бы две недели болтаться между небом и землей — или съездить домой в Красноярск, а потом из Красноярска снова отправиться в Харьков... Тоже ситуация не сахар. Были у нас и проблемы с организацией книжной ярмарки, не по нашей вине, но все же...

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский (Г.Л. Олди) обсуждают новый роман.

пьесы, которые плохо с космосом сочетаются. А когда мы начали работать вместе, то нас начали интересовать скорее философские, метафизические проблемы. Например: у человека есть душа, которую можно продать дьяволу. Мы берем и переводим понятие души в материальный пласт — душу можно продать, душу можно слать в ломбард, отдать внаем, можно убить (и тогда человек будет жить без души). Нам интересно, что получается, если все это рассматривать на сугубо бытовом уровне. Причем все эти догадки происходят не с дьяволом, а между человеком и человеком. Денег не хватает — пошел на базар, нашел покупателя, тот как раз собирается грешить, ну и прикупил душу на неделю. Теперь на эту душу грешит, как на сберкнижку.

Или проблема — часто говорят: «великий пианист», «великий поэт», «великий физик»... А может быть «великий палач»? Великий мастер-палач. Со своей философией, со своей ученой, которыми он передает сокровенные знания... Это плохо или хорошо?

И мы придумали для себя такой жанр — философский боевик.

— Есть типичные для определенных авторов герои. Кто они? Для толкиеновской саги — это несколько квазикельтских существ. Для Стругацки — это практически современные люди, но главное — люди цивилизации.

Олег Ладыженский: Сквозных персонажей у нас несколько. Но для тех, кто не читал наших книг, их имена ничего не дадут. Скажу главное: основной герой у нас — это Человек Упрямый.

— Одиночка?

Олег Ладыженский: Нет. Как правило, у него есть какая-то общность друзей, единомышленников или поначалу случайных попутчиков. Есть писатели, у которых главный герой — Человек Слабый, и они пишут о слабостях несовершенного человека. Другие пишут о Сильном Человеке, лучшем напролом. Есть Человек Страдающий, которого до финала волокут мордой по всем лужам, и к концу он худо-бедно выпутывается. Как героя боевика должны весь фильм дабы в финальной сцене он всем показал, где раки зимуют. А у нас когда героя волокут по лужам, он пытается брыкаться, но не потому, что сильный, а потому, что упрямый. У него есть куча недостатков, но есть и достоинства; он не может, как Сильный, тупо лезть вперед по головам, и не может, как Слабый, рефлексировать с утра до вечера, ничего при этом не делая.

— Вот мы говорили о кельтской мифологии. Почему, интересно, именно она при связном множестве героев и разработанных правилах поведения стала основой фэнтези? Понятно, что китайский или индийский эпосы менее известны у нас и оттого менее популярны. Но почему не греческая, скажем, мифология...
Дмитрий Громов: Мне кажется, антураж кельтской мифологии более близок европейскому созна-

том или ином виде в гимназиях, пропагандировалась через изобразительное искусство, и поэтому была, наоборот, слишком близка к современной культуре. Это, конечно, догадки.

Дмитрий Громов: А еще греческая мифология — это почти всегда трагедия, часто заканчивающаяся смертью персонажей. Кельтская же мифология скорее романтически-героическая.

— Хотя, понятное дело, мы говорим об условной, обработанной для читателя мифологии, отчасти придуманной. То есть Темные века, которые попали в фэнтези, очень мало общего имеют с реальной историей. В связи с этим разговором о фэнтези следующий вопрос — не имеет ли смысл проводить фестивали фантастической литературы раздельно по ее внутренним жанрам?

Дмитрий Громов: Поначалу тот самый фестиваль, который состоялся только что в Харькове — «Звездный мост», — собирались сделать еще в 95–96-м годах, посвятив фэнтези и пригласив Роджера Желязны. Ему было послано приглашение, и, более того, его литературный агент ответил согласием. Увы, буквально через две недели мы получили печальное сообщение о смерти Мастера. После этого некоторое время существовал проект мемориального конвента памяти Роджера Желязны, с вручением премии «Железный Роджер» (думаем, что он бы не обиделся, будь жив), но дело сорвалось. Однако синтетические конвенты всегда более представительны. К тому же многое, что делают, к примеру, Успенский, Лазарчук или Валентинов, вообще тяжело поддается жанровой классификации. Большинство наших коллег пишут на стыке жанров.

— А вот вы можете рассказать о вашем понимании классификации фантастики?

Дмитрий Громов: Пожалуй, можно выделить фэнтези, science fiction, science fantasy (когда делается попытка объяснения происходящего, научные законы магии); выделяется и альтернативная история (что было бы, если бы в такой-то точке события пошли бы иначе), криптостория (когда внешне события движутся известным путем, но объясняются иначе, новым образом), киберпанк и так далее. Впрочем, это занятие для критиков — выделять и называть...

— Вот отшумел фестиваль фантастики «Звездный мост»... То есть «путру они проснулись»... И что теперь?

Олег Ладыженский: Проснулись довольно тяжело. И не из-за пьянки, которой практически не было. Просто начался откат, отпускает нервное напряжение. Это хорошо нам известно по спектаклям. Надо отметить недочеты и сделать в следующий раз лучше. Мы видим проколы фестиваля, несмертельные, но подлежащие учету и исправлению. Мы хотим повторить «Звездный мост» на следующий год с этими исправлениями.

А насчет «идеологии» мы, пожалуй, довольны — ведь бывают конвенты административно-командные, где есть уважаемое и авторитетное жюри, вокруг решений которого все строится. То есть люди приглашаются эти решения выслушать. Есть фестивали демократические, где все решается общим голосованием. Мы же нашли свою «манеру», и она нас вполне устраивает.

Уже «состоявшиеся» писатели оформляют свои отношения с издательствами сами, а вот писатели начинающие могут пробиваться именно через конвенты. В этом направлении хотелось бы поработать. Художники опять же... стремление уменьшить себестоимость книги привело к исчезновению иллюстраций...

Что бы мы хотели развить? В Харьков приехали молодые авторы, велись семинары, диспуты, споры, куда приходили кучи народа. Причем, когда писатели устанавливали спорить, в дело включались профессоры, ученые и т. д. Вот это мы хотели бы продолжать дальше.

— Ну а что будет нового в том, что пишет Олди?

Дмитрий Громов: Весной у нас вышел двухтомный роман «Нам здесь жить». В нем три автора — вместе с нами его написал наш друг и коллега Андрей Валентинов. Роман писался с 95-го по 98-й год, но в какой-то момент текст застыл, и нам очень помог Андрей. Он нашел неожиданный поворот сюжета и продолжил наш текст. Так мы стали заканчивать роман вместе. Это необычный текст для нас всех, потому что мы, как правило, пишем о прошлом или настоящем, а это роман о ближайшем будущем.

2012-й или 2013 год, странный год. В нем можно узнать Харьков, который, впрочем, прямо не называется. Город восстановлен после локальной катастрофы, но теперь здесь события начали развиваться по совершенно иным законам миропорядка. Например, если у человека не работает водопровод, то нужно съездить на конфорке булочку с маслом и прочитывать заговор, и все заработает.

Это город с мистической инфраструктурой. Если раньше ведьмы не выходили из дома, могли доить чужих коров, то теперь можно доить энергосети.

А потом в город вводят войска, и среда начинает защищаться.

Дальше у нас вышел (сперва подарочным малотиражным изданием, но в самом скором времени появится массовый тираж) роман «Рубеж», книга «на пятерых» — мы только часть коллектива из пяти авторов. Увидел свет роман «Нопэрапон, или По образу и подобию»... Надемся в начале весны 2000 года на выход совсем новой книги под названием «Маг в Законе» — сейчас она готовится к выходу в издательстве «ЭКСМО». В общем, жизнь продолжается...

Беседовал Владимир БЕРЕЗИН